

Сергей Четвернин

Адлер: девять дней

Сергей Четвернин

Адлер: девять дней

Серия «8 ключей», книга 1

<https://litres.ru/74166764>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Бабушка Нина при смерти. Вот так новости.»

Три брата под тридцать, давно живущие каждый своей жизнью — Артём в Москве, Макс в вечных делах, Степан где-то между, — летят в Адлер, к старому дому у моря, где уже вторые сутки не спят родители. Хоронить.

Девять дней в доме, где всё осталось как было: мята на подоконнике, тетрадь с тигром на кухне, груша в саду, подвязанная к подпорке — «весной надо нормально сделать». Молитвослов на тумбочке и лампадка, которую никто из них толком не умеет зажечь. Девять дней — это ведь не просто календарь; бабушка знала, что это за счёт, а они только начинают узнавать. Девять дней, за которые вещи перестают быть вещами, привычные слова застревают в горле, а братья впервые за годы оказываются рядом — и не знают, как.

Тихая, очень настоящая проза о семье, утрате и о том, что мы наследуем от близких, сами того не замечая, — даже когда думали, что не верим.

Первая книга серии «8 ключей». Новые главы — каждую

Содержание

Часть 1. Глава 1. Артём. Москва.	5
Глава 2. Артём. Самолет. Старая груша.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Четвернин

Адлер: девять дней

Часть 1. Глава 1. Артём. Москва.

Артём. Москва. Февраль 2021 года, вечер пятницы — утро субботы

Была пятница, конец рабочего дня, и я делал вид, что работаю.

Для вида на мониторе был открыт таск-менеджер[1]. В соседней вкладке висели туры: Турция, Кипр, Мальдивы, потом опять Турция, только уже дороже. Всё одно и то же — пальмы, бассейн, «всё включено», улыбающиеся люди с пластиковыми браслетами на запястьях. Хотелось моря. Тепла. И чтобы хотя бы неделю никто не писал сообщений в корпоративном чате, где люди умудрялись писать «коллеги, добрый день» даже в семь вечера.

За окном мело. Фонари расплывались в снегу, стекло возле рабочего места казалось холодным. Офис гудел вполсилы. Люди уже ушли домой, просто зачем-то оставили тела у мониторов.

Телефон завибрировал на столе. На экране — Макс. Брат. Я посмотрел на имя и понял — ничего хорошего. Макс редко

звонил просто так. Он писал коротко, сухо, без смайликов. Если он звонил, значит, он уже всё решил. Мне оставалось узнать, что он хотел, чтобы я сделал.

— Привет, Артём. Тёма.

Я поморщился. Сначала паспорт, потом детское имя.

— Ну привет, Макс.

— Бери отпуск. Срочно вылетаем в Сочи. Бабушка Нина при смерти. Хочет нас всех видеть.

Попрощаться.

Я помолчал секунду. Слова были понятные. Даже слишком понятные. Но они почему-то не складывались в смысл.

— Да она ещё нас всех переживёт, — сказал я наконец.

— Крепкая старушка. И климат там хороший — не Москва.

— Без разговоров, — Макс сказал это без нажима. Поэтому спорить было ещё неприятнее. — Надо лететь. Деньги на билет есть или одолжить?

— Найду уж. Программисты нормально зарабатывают.

— Ну-ну. Билет скину на почту, деньги переводи. Завтра утром — Шереметьево.

— А Степан?

— Тоже будет. Летит из Екатеринбурга.

— Понял.

— До завтра.

— Пока.

Он отключился первым. Я ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом положил его на стол и уставился в

экран — синее море и белый песок.

Бабушка Нина при смерти.

Вот так новости.

Бабушка Нина казалась человеком, которому просто не положено умирать. Она пережила всё, что я успел запомнить: советскую власть, девяностые, пандемию и наши редкие звонки. По воскресеньям она звонила после службы. На фоне у неё иногда стучала посуда или шумел чайник. Сначала спрашивала, ел ли я нормально. Потом — не продуло ли меня. Потом — не женился ли ещё.

И только в конце, будто между делом, говорила:

«Храни тебя Господь, Артёмка».

Я обычно отвечал что-то невнятное. «Ага, бабуль». Или «и тебя». Или просто «давай, пока». Не потому что не любил. Просто не знал, что делать с благословением по телефону.

Звякнула почта. Билет от Макса. Я открыл письмо, посмотрел время, маршрут, цену. Я перевёл деньги. Макс бы не напомнил.

После перевода я поймал себя на том, что большим пальцем тру правое запястье. Дурацкая привычка. Старая. Почти незаметная.

Макс никогда не напоминал о долгах. В этом и была проблема. Он умел делать так, что ты помнил сам.

Я закрыл ноутбук.

Я открыл календарь. Выходные. Потом три удалённых дня. В четверг — офис, командный день, люди из смежного

отдела, которые почему-то назывались заказчиками. Значит, если всё нормально, в среду вечером можно вернуться.

Я перечитал «если что-то изменится — напишу» и не стал стирать. Удобная фраза.

Отпуск брать я не стал.

Макс сказал «бери отпуск» так, будто уже знал, чем всё кончится. Я не знал. Точнее, не хотел знать. Бабушка Нина была из тех, кто болеет, пугает всех, потом встаёт, ругает врачей и спрашивает, ел ли ты суп.

Я просто открыл рабочий чат в телефоне и написал Лёше: «Лёш, завтра срочно лечу в Сочи, семейная ситуация. Понедельник–среду буду на удалёнке оттуда, ноутбук беру. В четверг планирую быть в офисе. Если что-то изменится — напишу».

Посмотрел на последнюю фразу. Если что-то изменится...

Через пару секунд Лёша ответил: «Ок. Держись. Если понадобится — скажи». Я поставил реакцию большим пальцем. Большой палец получился особенно идиотским.

Пора домой.

Офис сидел в одном из стеклянных зданий «Белой площади»[2]. У входа курьер ругался с охраной, кто-то курил под табличкой «Не курить», такси стояли вторым рядом. И вечное ощущение, что все куда-то опаздывают. Даже те, кто просто стоит и курит у входа.

Спустился в метро. На «Белорусской» меня вдавило в

пятничную толпу. На платформе кто-то держал чемодан поперёк прохода, у женщины из пакета торчал батон, парень в красной куртке спал стоя. Поезд пришёл набитый под завязку — я втиснулся в последний момент, оказался лицом к чужому затылку и простоял так до «Парка культуры», пока народ немного не рассосался.

На «Октябрьской» я перешёл на оранжевую ветку. После кольцевой вагон Калужско-Рижской показался почти свободным, хотя это, конечно, было самообманом. За «Шаболовской» стало легче дышать. Я нашёл место, сел, достал телефон.

На экране была открыта закладка с Турцией. Женщина в шляпе на фото явно не знала ни про рабочие задачи, ни про Макса, ни про бабушку Нину.

Я закрыл вкладку.

Бабушка Нина при смерти.

Я вспомнил её телефон у уха, платок, сухие пальцы на проводе зарядки.

— Ты ел сегодня, Артёмка?

Потом пришло воспоминание из детства — широкая юбка, передник, руки в муке, голос из кухни:

— Не бегать по веранде, убьётеесь.

На «Профсоюзной» я вышел, поднялся наверх и сразу попал в обычную юго-западную Москву. У аптеки мигал зелёный крест, у остановки кто-то пинал ногой серый сугроб, ветер шёл вдоль проспекта как по трубе. Люди шли домой с

такими лицами, будто их тоже только что закрыли в рабочем чате.

Домой добрался к семи.

Алёна была на кухне — в домашних штанах и свитере, сползшем с одного плеча. Она стояла у холодильника, когда я закрыл дверь, и я поймал себя на том, что смотрю на ее плечо — настроение чуть поднялось. Алёна была из тех, кто бегают по утрам и не считает это подвигом. На большом пальце я заметил синюю краску — значит, сегодня всё-таки рисовала, хотя утром говорила, что будет «просто разбирать референсы».

Она повернулась ко мне и я залюбовался её тёмными, волнистыми, каштановыми волосами, которые в некотором беспорядке рассыпались по её плечам. На работу она собирала их в хвост, но сейчас они выбились из под резинке. Алёна посмотрела на меня своими большими синими глазами, ближе к серо-синему или васильковому. Лицо было с лёгкой тенью усталости от долгих часов у мольберта и я почувствовал нежность в её взгляде.

— Привет, спортсменка, комсомолка и просто красавица, — сказал я, снимая куртку. — Ужин готов?

Мы недавно пересматривали «Кавказскую пленницу», и шутка ещё держалась в домашнем обороте.

— Карбонара из доставки. Не спрашивай, из какой, — сообщила она без тени смущения. — Ничего не готовила. Я

сегодня спасала акварель, которую сама же утром испортила.

— Спасла?

— Сделала вид, что так и было задумано.

— Значит, спасла.

Я прошёл на кухню, поставил ноутбук на табуретку, потому что больше ставить было некуда. Одношuka у нас была честная. Стоило мне поставить рюкзак у двери, и в одношке сразу заканчивалось место для манёвра.

— Слушай, у меня новости, — сказал я. — Я завтра утром улетаю в Сочи. Макс звонил. Бабушка Нина при смерти, хочет попрощаться. Так что кино на выходных накрылось.

Алёна помолчала. Посмотрела на меня внимательнее.

— Ты сейчас шутишь, потому что испугался? — спросила она.

— Я не шучу.

— Шутишь. Просто тихо.

Я открыл было рот, чтобы возразить. Задумался.

— Наверное.

Она поставила передо мной тарелку. Я посмотрел на её тонкие изящные пальцы и обратил внимание, что у неё новый маникюр. Ногти были ярко красными, но как всегда коротко остриженные. С длинными, по её словам, было неудобно рисовать.

— Сделала новый маникюр?

— Да. Сделала позавчера. Рада, что ты заметил, но не уходи от темы. — Ты бабушке позвонишь?

— Завтра уже буду там.

— Это не ответ.

— Алён

— Позвони, Артём.

Я посмотрел на телефон. Потом на тарелку. Карбонара пахла сыром и беконом. Нормальным вечером, который уже не получался.

— После ужина, — сказал я.

Она кивнула, но я понял — она запомнила.

Мы ели на маленькой кухне, плечом почти задевая холодильник. Алёна рассказала про Галину Ивановну — куратора, которая поймала её сегодня в коридоре после просмотра и сказала, что акварель не выставочный формат. Что галерее нужно что-то весомее. Масло, большой формат. Что-то, что повесишь — и тут же видно, что искусство.

— Камерно, — сказала она, передавая интонацию. — Именно это слово.

— Ты что ответила?

— Ничего. Кивнула. — Она потёрла синюю краску на пальце — машинально, как будто вспоминала руками. — И Катя при этом стояла рядом, слышала всё. Она из нашей группы, просто шла мимо. Деваться ей было некуда.

Я открыл было рот. Закрыл. Уже знал, куда иду — в сторону «а давай попробуем другую площадку» — и успел остановиться.

— Апрельская выставка от неё зависит?

— Угу.

— Паршиво.

Алёна посмотрела на меня. Чуть удивлённо.

— Паршиво, — согласилась она.

Помолчали. За стеной у соседей работал телевизор.

— Серия почти готова. Восемь листов, три месяца. — Она отломилась хлеб, взяла наконец. — Я её вижу как законченную вещь. А она говорит «камерно». И улыбается.

— Знаешь, что больше всего бесит? — сказала она немного погодя. — Что я молчала. Кивнула, как будто согласилась. Вот это не отпускает.

Я помолчал.

— Серия хорошая, — сказал я наконец. — Я видел.

Алёна посмотрела на меня.

— Ты не разбираешься в акварели.

— Не разбираюсь. Но видел.

Потом я всё-таки позвонил бабушке. Телефон долго гудел. Потом сбросилось. Я сказал себе, что она спит. Или тётя Валя не слышит. Или Макс уже всё сказал, и завтра я всё равно буду там.

Алёна ничего не сказала. Только положила ладонь мне на плечо — коротко, без утешения. Просто чтобы я знал, что она рядом.

Перед сном я по привычке сделал запись в дневнике на телефоне. Просто подвёл итоги дня.

[1] Таск-менеджер — программное обеспечение для управления задачами в проектном управлении или в программировании.

[2] Бизнес-центр в Москве около станции метро Белорусская

2. Интерлюдия. Артём. Лог 00. Дневник.

[заметки / телефон / пятница поздно]

Бабушка Нина при смерти!

Планы на выходные поменялись.

Поход в кино с Алёной — переносится.

Планы на лето — не смотреть.

[работа]

Срочных задач — нет

Горящих задач — нет

Отпуск — не взял. Пока.

[финансы]

Минус — дорога в Адлер.

Проверил котировки на бирже. Перевёл деньги с биржи на текущие расходы.

Пока отпуск — не взял. Минус — если придётся брать отпуск за свой счёт.

Подумать на подарком Алёне. Ей в апреле 27 лет. Запла-

нирывать деньги на подарок.

[здоровье]

В целом нормально

Минус — явно нахожусь в стрессе.

Минус — пробежка в субботу — переносится в Адлер

Бабушка Нина при смерти!

Глава 2. Артём.

Самолет. Старая груша.

Часть 1. Начало.

Артём. Москва — Адлер. Февраль 2021 года, утро субботы.

Утро началось с будильника в пять тридцать.

Я выключил будильник и несколько секунд ненавидел всё. Но будильник был поставлен, самолёт не ждал, и я встал.

В ванной на меня смотрел человек с недосыпом под глазами и лицом, которое Алёна называла «режим отладки». Серые глаза — бабушка всегда говорила, дедовы. Я сам в это не особо верил. Дед умер до моего рождения, а спорить с мёртвыми и бабушкой одинаково бессмысленно.

Я умылся холодной водой, тихо оделся в темноте, не включая свет. Алёна не проснулась. Только чуть повернулась и что-то пробормотала во сне — неразборчиво, недовольно.

Я подхватил рюкзак у двери. Постоял секунду. Потом вернулся, наклонился и поцеловал Алёну в висок.

— Мм, — сказала она, не просыпаясь.

Я вышел. Я считал маршрут как задачу — метро, пересадка, «Белорусская», аэроэкспресс. Если нигде не встанем —

успеваю.

В шесть утра Москва ещё не включилась. За ночь намело. Во дворе ещё не было следов, только ровный белое пушистое покрывало под фонарями. Фонари рассекали морозную темень зимним глянецом. Холод минус пятнадцать встретил меня хлестким и чистым ударом в лицо.

Я поднял воротник и пошёл к метро. «Профсоюзная» в такое время была почти пустой. Несколько человек на платформе — сонные, молчаливые. Кто-то смотрел в телефон, кто-то просто держал стакан кофе и не моргал. Поезд пришёл быстро. Я сел у двери, поставил рюкзак между ног. За окном мелькала темнота тоннеля.

Я думал о бабушке. Точнее, пытался не думать — и именно поэтому думал.

«Плохо мне. Видимо, готов прибрать меня Господь».

Так она сказала Максу или он сам так пересказал? В пересказе Макса даже чужая просьба звучала как приказ. Но фраза всё равно принадлежала бабушке.

Иконы в свете лампадки в углу, постные супы, её «не суди» в трубке, когда я начинал злиться на кого-нибудь. Я обычно кивал в трубку и переводил разговор на работу или погоду. Но сейчас, в пустом вагоне, в шесть утра, эти слова почему-то звучали иначе. Тяжелее.

На «Октябрьской» пересел на кольцевую. Народу прибавилось — появились первые пассажиры с чемоданами, такие же, как я, летящие куда-то ранним рейсом. У людей с чемо-

данами лица всегда немного одинаковые — вроде стоят рядом, а уже не здесь.

В вагоне аэроэкспресса было тепло и тихо. Я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. За окном медленно поплыли московские окраины. Москва не отпускала ещё долго. Потом наконец пошли поля.

Я достал телефон, написал Макс:

«Еду. Буду в Шереметьево в 7:20».

Ответ пришёл почти мгновенно — Макс, судя по всему, уже давно не спал:

«Жду у стойки регистрации».

Я усмехнулся.

Аэроэкспресс набрал скорость. За окном мелькал белый февральский рассвет — бледный, почти серый, без солнца. Последний раз я был в Сочи три года назад. Бабушка тогда ещё сама готовила — хинкали, аджапсандали, что-то ещё, чего я не запомнил, но запомнил запах. Большой стол, все вместе, лето, открытые окна. Она сидела во главе стола и всё время подкладывала кому-то ещё.

Макс сказал — она хочет попрощаться. А я почему-то вспомнил, как она всегда что-нибудь доставала «на дорожку»: банку варенья, носки, пакет с хурмой, старый календарик с иконой. У бабушки даже прощание могло оказаться с подарком.

От этой мысли стало не легче.

Аэроэкспресс начал тормозить. За окном появились тер-

миналы — огромные, стеклянные, залитые светом изнутри.

Шереметьево. Я подхватил рюкзак и встал.

Макс нашёлся быстро. Он стоял у стойки регистрации с видом человека, который пришёл вовремя и теперь молча фиксирует, что остальные опаздывают. Высокий, в тёмном пальто. Чемодан у него был маленький, жёсткий, на тихих колёсиках. Из тех, которые не гремят даже по плитке. Даже в аэропорту он выглядел так, будто между гейтами у него назначено совещание. Всё застёгнуто, всё на месте, ни одной лишней детали. Тридцать два года, а уже такой — законченный. Только на запястье — красная нитка, старая, почти незаметная. Он посмотрел на часы так, будто часы были правы, а я — нет.

— Тёма, — сказал он вместо приветствия.

— Макс.

Мы пожали руки. Не обнялись — мы никогда не обнимались, это было не наше. Я поставил рюкзак на весы — ручная кладь, всё в норме — и встал рядом.

— Степан? — спросил я.

— Летит из Екатеринбурга. Встретимся в Адлере.

— Долетит?

— Долетит, — сказал Макс. — Я ему напомнил.

По тону было понятно, что «напомнил» включало в себя не только сообщение.

Мы зарегистрировались, прошли досмотр, нашли выход.

До посадки оставалось минут сорок. Макс взял эспрессо в кофейне у выхода, я — американо. Сели у окна. За стеклом на лётном поле стояли самолёты в предрассветной темноте, мигали огнями. Макс поставил стакан на столик, снял крышку, хотя эспрессо обычно пьют и так. Аккуратно положил крышку рядом. Повернул стакан логотипом к себе. Потом поправил манжету.

Я знал этот жест. Сейчас будет совет, от которого почему-то нельзя отказаться.

— Как работа? — спросил он.

— Нормально.

— Проект какой сейчас?

— Корпоративная система для логистов. Скучно, но платят.

Макс покивал с таким видом, будто я сказал что-то предсказуемое.

— Ты думал насчёт того, о чём я говорил в прошлый раз? Насчёт своих проектов? Фриланс, своя команда. Ты мог бы зарабатывать втрое больше.

— Думал, — сказал я.

— И?

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что не хочу, Макс.

Макс посмотрел так, будто я опять ошибся в задаче, хотя ответ лежал передо мной. Для Макса это было непостижимо

— если ты не растёшь, значит деградируешь. В детстве я почти верил. Потом перестал.

— Ты способный, — сказал он. — Просто не используешь это.

— Я знаю, что я способный, — ответил я спокойно. — Спасибо.

Макс помолчал. Сделал глоток эспрессо. Поморщился — не от вкуса, а скорее от того, что мир снова оказался неидеальным.

— Ты всё ещё обижаешься, — сказал он.

Я посмотрел на него.

— На что?

— Не знаю. Ты же у нас по этой части специалист.

Вот теперь я почти улыбнулся.

— Хорошая формулировка. Ничего не сказал, но виноват уже я.

Макс чуть прищурился.

— Я не хочу ругаться, Тёма. Не сегодня.

— Я тоже.

И это было правдой. Сегодня не хотелось. Сегодня между нами была бабушка Нина. И всё, что мы слишком давно не вспоминали — дом на склоне, веранда, герани у стены. И что-то ещё, о чём я пока не хотел думать.

Макс допил кофе.

— Она очень просила, чтобы мы приехали все трое.

Он сказал это тише, чем обычно. Я посмотрел на него вни-

мательнее. Лицо у него оставалось собранным, почти офисным. Ничего не изменилось — и именно поэтому стало понятно, что изменилось.

Потом он снова посмотрел на часы. Всё вернулось на место. Объявили посадку. Я поднялся, взял рюкзак. Макс уже стоял с чемоданом в руке — ровный, собранный, готовый.

Мы пошли к выходу.

За стеклом было темно, снег тянуло по бетонному полю. Самолёт стоял у выхода — белый, холодный.

продолжение главы 2 следует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.